

А 663562

891.78

Т 650

Д 6

UNIV. OF

OCT 15

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МОРАЛИСТЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Барона Р. А. Дистерло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева. Невскій просп. д. 8.

1887.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ

L. N. Tolstoy

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МОРАЛИСТЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Барона Р. А. Дистерло.

R. A. Distern

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левеева. Невскій просп. д. 8.

1887.

891.78

T650

D6

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая особою книжкою настоящіе очерки, печатавшіеся въ прошломъ году отдѣльными статьями въ „Недѣль“, считаю не лишнимъ предупредить читателя, чтобы онъ не искалъ въ нихъ подробнаго разбора и всесторонней оцѣнки произведеній графа Л. Н. Толстого. Журнальная работа не могла задаваться подобными цѣлями, для осуществленія которыхъ въ данномъ случаѣ потребовался бы объемистый трудъ и много времени. Въ своихъ очеркахъ я имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду—намѣтить основныя идеи въ творествѣ нашего знаменитаго писателя.

Собирая эти очерки въ одно цѣлое, я надѣюсь, что въ такомъ видѣ они болѣе будутъ отвѣчать своей задачѣ и, быть можетъ, ока-

жуются небезынтересными для читателей. Общій характеръ и сущность содержанія очерковъ остаются безъ измѣненія въ настоящемъ изданіи, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы довольно значительныя исправленія и добавленія.

Авторъ.

I.

Общая характеристика графа Толстого, какъ мыслителя.

Имя графа Л. Н. Толстого вызываетъ въ представленіи современной читающей публики два образа: образъ поэта, подарившаго намъ такія геніальныя произведенія, какъ «Война и Миръ» и «Анна Каренина», и образъ проповѣдника, подвижника нравственной идеи. Прошло уже около десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ графъ Толстой бросилъ перо романиста и всецѣло отдался исканію той правды, которая могла-бы отвѣтить на вѣчные вопросы человѣческаго сознанія. Эта новая дѣятельность знаменитаго писателя не осталась безплодною: скоро въ общество и въ печать стали проникать тѣ идеи, на которыхъ остановился нашъ художникъ-философъ, въ которыхъ онъ призналъ силу и способность удовлетворить духовныя потребности современнаго чело-вѣка. И несмотря на широкую извѣстность Л. Толстого, какъ романиста, несмотря на громкую славу первокласснаго художника, которая въ настоящее

время признана за нимъ не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, общество наше пристальнѣе смотритъ на второй образъ писателя—образъ философа, и съ бѣльшимъ вниманіемъ прислушивается къ словамъ открываемаго нравственнаго ученія, чѣмъ къ мыслямъ художника.

Что-же такое графъ Л. Толстой, какъ философъ, какъ проповѣдникъ? Въ чемъ сущность и характеръ его идеи? Чѣмъ отличается его философія отъ другихъ ~~направленій~~ нашего вѣка? И, наконецъ, въ чемъ ея значеніе?

Толстой рѣзко и глубоко отличается отъ господствующихъ въ нашъ вѣкъ теченій мысли. Его внутренняя фizioномія въ высокой степени своеобразна и оригинальна. И, что важно для насъ, эта оригинальность восходитъ къ тѣмъ основнымъ принципамъ духовной жизни человѣка, различіемъ которыхъ опредѣляются цѣлыя историческія эпохи.

Девятнадцатый вѣкъ называютъ иногда вѣкомъ отрицанія и сомнѣнія. Глубоко-ошибочный взглядъ! Если въ сужденіи своемъ объ этомъ вѣкѣ мы не ограничимся послѣднимъ десятилѣтіемъ, составляющимъ уже скорѣе переходъ къ новому времени, если присмотримся къ его молодости и зрѣлости, а не только къ моменту его отживанія, то увидимъ, что признаки отрицанія и сомнѣнія для него вовсе не характерны. Эти признаки несравненно полнѣе исчерпываютъ содержаніе *предыдущаго* столѣтія, восемнадцатаго, которое дѣйствительно разрушило міросозерцаніе прежняго человѣка, не давъ ему взамѣнъ ни-

чего положительнаго, и только въ самомъ концѣ, при послѣднемъ своемъ издыханіи, произвело идею, блестящимъ образомъ развитую въ девятнадцатомъ вѣкѣ. До восемнадцатаго столѣтія—и чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ, тѣмъ больше и полнѣе—человѣкъ жилъ религіозною идеею. Присмотритесь къ душевному строю средневѣковаго человѣка, вчитайтесь въ задушевнѣйшія мысли писателей этой эпохи, вдумайтесь въ такіе факты политической жизни, какъ судъ духовной инквизиціи, какъ казнъ альбигойцевъ, какъ религіозныя войны, и вы поймете, до какой степени полно и искренно человѣкъ этого времени не признавалъ за собою права на земныя радости, на земное счастье.

Но подавляемыя потребности наслажденія не могли быть однако вовсе истреблены въ душѣ человѣка; а оставаясь жить въ ней, онъ неизбѣжно вступали въ борьбу съ началомъ, требующимъ постояннаго самоограниченія. Эти потребности и явились тѣмъ живымъ стимуломъ, который направилъ разумъ на критику господствующей религіозной дисциплины. Намъ нѣтъ надобности слѣдить здѣсь за ходомъ этой отрицательной работы разума; достаточно напомнить, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ средневѣковая система рухнула подъ звуки безпощадной насмѣшки и ироніи великаго представителя вѣка—Вольтера.

Но человѣкъ восемнадцатаго вѣка недолго оставался безъ руководящей идеи: въ душѣ его уже созрѣвала новая вѣра, которая въ концѣ столѣтія произвела революцію 1789 года. Съ этого года въ сущ-

ности и начинается та новая эпоха, которую мы называемъ девятнадцатымъ вѣкомъ, такъ какъ именно тогда высказана была идея, принятая и развитая этимъ вѣкомъ. Прежній человѣкъ вѣрилъ въ блаженство загробное, человѣкъ девятнадцатаго вѣка увѣроваль въ блаженство земное, увѣроваль въ свой разумъ, силою котораго онъ надѣялся основать царство счастья на землѣ.

Смѣлъ и увлекателенъ былъ этотъ порывъ человѣческаго духа, когда послѣ средневѣкового страха жизни и боязни ея радостей, человѣкъ открыто и прямо сказалъ: хочу счастья и хочу его здѣсь, на землѣ. Но это стремленіе къ счастью не было только инстинктомъ, только эгоистическимъ порывомъ освобожденнаго человѣка; оно возведено было въ принципъ и притомъ не индивидуальной только, но всечеловѣческой жизни. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ уже невозможнымъ оказалось то цѣльное, жизнерадостное существованіе, которымъ характеризуется античный, языческій міръ; человѣкъ слишкомъ привыкъ уже жить сознательно и уже не могъ отдаваться непосредственному процессу жизни; ему необходима была сознательная цѣль, необходимы были извѣстные правила жизни. Эту цѣль и эти правила онъ нашелъ въ томъ культѣ человечества, который успѣлъ вырасти на почвѣ указаннаго стремленія къ благамъ земной жизни. Ту мечту всеобщаго счастья, тотъ золотой вѣкъ, тотъ роскошный эдемъ, которые для древнихъ народовъ Азіи и Европы были только преданіями незапамятной старины или лишь поэтическимъ вымысломъ,

человѣкъ девятнадцатаго вѣка сдѣлалъ своимъ идеаломъ, поставилъ передъ собою, какъ цѣль, которая манила его въ будущее. Онъ вѣрилъ, что можетъ осуществить эту мечту, вернуть этотъ золотой вѣкъ, создать этотъ эдемъ. И если эта наивная вѣра не можетъ не вызвать улыбку у нашего скептическаго времени, то мы не должны забывать, что въ началѣ разсматриваемой эпохи это была дѣйствительно искренняя и горячая вѣра. Этою вѣрою дышать всѣ произведенія того времени: возьмите «декларацию правъ человѣка и гражданина», возьмите различные конституціи революціонной Франціи, возьмите сочиненія Кабэ, Фурье или Сень-Симона—и вы всюду увидите эту неизмѣнную вѣру въ возможность человѣку устроить свое счастье. Она естественно вытекала изъ двухъ источниковъ: изъ вѣры въ человѣческій разумъ и изъ вѣры въ развитіе, въ *прогрессъ*. Это послѣднее слово, быть можетъ, самое характерное для всего девятнадцатаго столѣтія.

Двумя путями можетъ человѣкъ приближаться къ счастью: или въ себѣ самомъ, въ своей внутренней личности онъ вырабатываетъ условія счастья, или же онъ заставляетъ служить себѣ внѣшній міръ и приспособляетъ его для этого. Средніе вѣка шли первымъ путемъ, девятнадцатое-же столѣтіе смѣло и рѣшительно вступило на второй.

Пожелавъ счастья, человѣкъ нашего вѣка призналъ себя величиною, не подлежащею измѣненію, и всѣ свои силы направилъ на приспособленіе внѣшнихъ условій. Настоящее человечества было да-

леко отъ желаемого идеала; но человѣкъ видѣлъ, какъ съ каждымъ десятилѣтїемъ растутъ его силы, какъ увеличиваются его средства въ борьбѣ съ природою, и продолжая въ своемъ воображеніи этотъ ростъ безпредѣльно, убѣждался, что его надежды не напрасны. Онъ надѣялся, что развивающаяся наука и техника сдѣлаютъ его независимымъ отъ внѣшней природы и, главное, научатъ его устроить наилучшимъ образомъ междучеловѣческія отношенія.—Началась гигантская работа. Всѣ свои силы вложила западная Европа въ эту задачу и трудилась съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, съ безпримѣрною энергіею и настойчивостью. И, нужно сказать, результатъ работы получился грандіозный. Волшебной сказкой, несбыточной мечтой показалась-бы наша современная жизнь не только какому-либо представителю эпохи «кулачнаго права», но даже и болѣе просвѣщенному семнадцатому столѣтію. Научныя открытія и техническія изобрѣтенія, примѣненные къ индустріи, къ способамъ передвиженія, къ быту частныхъ лицъ, до такой степени возвысили и видоизмѣнили нашу культуру, что съ нею уже не можетъ соперничать ни одна изъ извѣстныхъ намъ въ исторіи цивилизацій. Рядомъ съ этимъ шло развитіе и государственныхъ отношеній: современное государство есть изумительно сложный и тонкій механизмъ, способный осуществлять цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и часто весьма трудныхъ задачъ общечеловѣческаго житія.

Но, среди всѣхъ этихъ успѣховъ, достигъ-ли че-

ловѣкъ счастья? По крайней мѣрѣ, приблизился-ли онъ къ нему, сталъ-ли счастливѣе своего мрачнаго средневѣковаго предшественника?

Нѣтъ! должны мы сказать. И теперь счастье — все тотъ-же призракъ, тотъ-же миражъ пустыни, къ которому тщетно старается подойти караванъ прогрессирующаго человѣчества. Незамѣтно даже и приближенія къ нему. Зато рѣзко обозначаются признаки разочарованія современнаго человѣка, признаки изсякновенія въ немъ той вѣры, которою жило наше столѣтіе. Наимболѣе-же прозорливые умы Запада (Тэнъ, Спенсеръ) въ приближающемся будущемъ, въ надвигающихся волнахъ демократіи указываютъ новое «грядущее рабство» человѣка, эпоху новыхъ страданій, а не эпоху счастья.

И вотъ, въ то время, какъ западный человѣкъ стоитъ, задумавшись, на вершинѣ недостроеннаго имъ колоссальнаго зданія и, несмотря на неудачи своихъ предшественниковъ, все еще не теряетъ надежды завершить его при помощи новыхъ пріемовъ строительства,—изъ глубины Россіи, которая если и участвовала въ культурной работѣ вѣка, то далеко не съ тѣмъ напряженіемъ, какъ западная Европа, и далеко не всѣми своими силами, раздается смѣлый и увѣренный голосъ, говорящій: пусть даже достроится зданіе цивилизаціи, пусть человѣкъ вполне и безъ границъ овладѣетъ внѣшнимъ міромъ для удовлетворенія своихъ потребностей, пусть общественное устройство человѣчества приблизится къ состоянію идеальной справедливости, — человѣкъ все-таки

не будетъ счастливъ и не перестанетъ страдать, не перестанетъ потому, что водворившееся спокойствіе, довольство и безопасность неспособны удовлетворить неистребимыхъ потребностей человѣческаго духа. Эти потребности вполне самостоятельны и незамѣнимы: съ удовлетвореніемъ прочихъ требованій человѣческаго организма, онѣ не только не прекращаются и не ослабѣваютъ, но, скорѣе, усиливаются. По самой же природѣ своей онѣ не допускаютъ удовлетворенія изъ внѣшняго міра, а могутъ быть утолены только продуктами духовной дѣятельности, только путемъ разработки внутренней личности человѣка. Между тѣмъ, практическій девятнадцатый вѣкъ не откликнулся на эти запросы духа и, богатый матеріально, ничего не можетъ предложить духовной жаждѣ человѣка. Увлеченный кипучею и трудною работою соціальнаго устройства, весь отдавшійся политической идеѣ, этотъ вѣкъ забылъ живую конкретную личность. Этотъ вѣкъ называютъ, правда, вѣкомъ индивидуализма, вѣкомъ личной свободы, но индивидуализмъ его только политическій, личность для него только абстрактный принципъ, сообразно которому должно быть построено государство. Являясь вообще эпохою внѣшней дѣятельности, эпохой активнаго приспособленія жизни, девятнадцатый вѣкъ въ частности можетъ быть названъ эпохою политическою. Политическіе задачи и вопросы всего болѣе занимали его мысль и возбуждали его страсти; попытки осуществленія политическихъ идеаловъ создали самыя крупныя, самыя значительныя его событія. По-

литическая идея властвовала надъ сознаниемъ чело-
вѣка и подчинила себѣ всѣ сферы его умственной
дѣятельности: къ политикѣ пришла господствующая
философія вѣка, поставившая на вершинѣ научной
іерархіи соціологію; проникла политическая струя и
въ поэзію и заставила ее сдѣлаться выразительни-
цей политическихъ идеаловъ, симпатій и негодова-
ній; наконецъ, даже этика, и та бѣжала изъ вну-
тренняго міра челоуѣка и въ характерной формѣ ути-
литаризма опять-таки требовала служенія обществу.
Политика сдѣлалась для многихъ людей дѣломъ всей
ихъ жизни, группировала ихъ въ партіи, разрывала
старинныя, кровныя узы, устанавливала новыя свя-
зи. Словомъ, если-бы мы рассматривали девятнадца-
тый вѣкъ какъ художественное произведеніе, то мог-
ли-бы сказать, что его паюсъ — въ политикѣ, что
политика обнимаетъ трагедію вѣка.

Читатель, конечно, уже догадался, что упомяну-
тый нами голосъ, раздавшійся протестомъ противъ
односторонняго направленія нашего вѣка, принадле-
жить графу Л. Толстому. Въ его лицѣ судьба какъ-
бы нарочно хотѣла произвести экспериментъ само-
стоятельности и живучести духовныхъ потребностей
челоуѣка. По собственнымъ словамъ графа, которыя
нисколько не противорѣчатъ тому, что извѣстно о
его личной жизни, онъ пользовался матеріальнымъ
достаткомъ, хорошимъ здоровьемъ, имѣлъ прекрас-
ную семью; кромѣ того, онъ имѣлъ славу, рѣдкую
славу первокласснаго художника, пользовался все-
общимъ уваженіемъ и несмотря на это, онъ не былъ

счастливы, онъ мучительно страдалъ отъ неразрѣшенныхъ вопросовъ жизни, отъ невозможности удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ. «За-чѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ что-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?» Что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра, — что выйдетъ изъ всей моей жизни? Есть-ли въ этой жизни такой смыслъ, который не уничтожился-бы неизбежно предстоящею мнѣ смертию?» Вотъ какой вопросъ ставило передъ нимъ сознание и неотступно требовало отвѣта, вымогая его страшною тоскою и тѣмъ ощущеніемъ пустоты и ненужности жизни, отъ котораго хочется избавиться хотя-бы путемъ самоубійства. Отвѣтъ на вопросъ, или смерть—къ такой дилеммѣ свелась внутренняя жизнь автора «Исповѣди»: иначе нельзя уйти отъ вопроса, такъ какъ нельзя перестать сознавать то, что сознаешь.

Часто приходится слышать, что поставленный графомъ Толстымъ вопросъ есть вопросъ праздный, что трудность его разрѣшенія можетъ терзать только людей, непокорныхъ общему закону труда, незнающихъ куда дѣвать свой обезпеченный досугъ, и что всѣ эти терзанія совершенно чужды тому, кто долженъ зарабатывать себѣ «хлѣбъ насущный». Мы не можемъ не отмѣтить здѣсь, что подобное отношеніе къ вопросу въ дѣйствительности встрѣчается чаще всего у людей практическихъ, много трудящихся, мысль которыхъ постоянно прикована къ какому-нибудь специальному дѣлу и потому недоступна для прочихъ вопросовъ человѣческаго сознанія. Уже одно